

ИДЕЙНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ (ПРЕДЫСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП)

Исследуются процессы становления и развития знания. Знание - феномен сложный, комплексный; оно не начинается с чистого листа. Его наличный статус во многом определяется первыми научно-познавательными исследованиями и, в частности, теми идеями, взглядами и представлениями, которыми руководствовалась интеллектуальная мысль. Осознание подлинной роли мировоззрения в становлении и развитии знания есть первый шаг к пониманию современных теоретических и практических проблем криминалистической методики.

Вырабатывание научных знаний составляет важнейший смысл и условие существования науки, служит фундаментальным, конституирующим ее статус признаком. Научное знание - феномен сложный, комплексный. Его зарождение, формирование и рост определяются влиянием ряда факторов объективного и субъективного характера. Выявление их системного характера и методологического значения в познании и организации познания, в выработке и оценке знаний является одной из весомых гносеологических предпосылок и условий понимания и объяснения одностороннего развития криминалистической методики, осмысления и разрешения проблемы теоретизации данного раздела науки криминалистики [1].

Композиционная сложность научного знания задает пафос оценочных критериев. Как свидетельствует научно-познавательный опыт науки, становление и развитие знания не начинается с чистого листа. Прообраз знаний, расцениваемый ныне как имеющий методико-криминалистическое значение, формировался уже в трудах как дореволюционных отечественных процессуалистов и первых приверженцев криминалистики, так и зарубежных. Благодаря именно их усилиям формировался не только прообраз конкретно-практического знания, но и смысловой, духовно-творческий ресурс, существовавший в виде динамического массива идей, взглядов и представлений. Но эта непреходящая составная часть научных исканий, научно-творческой мыследеятельности до настоящего времени остается в тени, остается незадействованной в научно-теоретических исследованиях даже в первом приближении.

Знание существующее фундаментально предпосылочным знанием, составной частью которого являются идеи.

Понимание своеобразия становления и развития криминалистической методики, ее самобытности и наличного научного статуса сопряжено с предысторией, с мировоззренческими началами, которыми руководствовалась интеллектуальная мысль, решая многообразные научно-познавательные и практические задачи в сфере расследования преступлений.

Внимание к идеям определяется общими гносеологическими и методологическими зависимостями, замыкающимися на оппозицию «субъект-объект», объемным воплощением которой является, в частности, мировоззрение. Мировоззрение как составная часть познавательной деятельности есть самодостаточное, внутренне организованное образование. Уместно подчеркнуть, что оно само, и как реальность, и как целостность, возможно лишь постольку, поскольку консолидируется идеями, комплексом идей. Идеи сплачивают, единят мировоззрение, составляют его всеохватывающую основу. Ближе, исходнее к мировоззрению, чем идеи, уже ничего нет. Есть идеи - есть мировоззрение, нет идей - нет мировоззрения. Идея есть центр мировоззренческого образа, средоточие, к которому все стя-

гивается, вокруг чего все собирается, группируется, упорядочивается; идея есть внутренняя форма, одно из ветвлений реально достижимого единства. Познание и знание, не консолидированное идеями (комплексом идей), не образует целостности. Идеи увязывают мысли в единое целое и в этом смысле выступают способом, направляющим процесс мышления и, соответственно, процесс познания. Как наука начинается с проблем, так познавательная деятельность субъекта начинается с идей. Познающий субъект всегда руководствуется идеями. Получаемое знание отягощено не только теорией, оно пронизано идеями, комплексом идей.

Их смыслообразующее и научно-порождающее значение многократно возрастает тогда, когда идея истолковывается как конструкт, если под конструктом понимать размышления о должном развитии науки и научного знания. Мысль, сопряженная с идеей, легко упрочищает свое преобладание над всеми остальными случайными явлениями, позволяет дистанцироваться от случайных условий, абстрагироваться от «факторов», воздержаться от случайных предположений и особых мнений спекулятивного и механистического толка.

Любая идея как таковая сама по себе ни научной, ни научно-криминалистической не является. Вместе с тем она может быть интерпретирована в качестве научной только в контексте принятых коллективным научным мышлением (и поддерживаемых практикой) допущений, оправдывающих ее место в данной предметной области, в данной системе познавательной деятельности. Идея есть отношение мысли к сознанию; она показывает, какой представляется познающему субъекту его собственная мысль; она очищает ствол знания от наносного, надуманного.

Идеи, ввиду содержательной несамоочевидности, в своей сути есть развернутая схема описания существа познавательной деятельности. Их выявление и опознание в качестве таковых могут быть осуществлены в единстве гносеологического и методологического, исторического и логического, теоретического и практического аспектов, вбирающих признаки реально исследуемой реальной событийной картины. Идеи отражают то общее, что пронизывает всю систему знания, достигнутого на данном историческом этапе развития науки. В качестве общего оценочного критерия достигнутого уровня знания служит адекватность, т.е. максимальная сопряженность, максимальное соответствие объективного, существующего как осваиваемая предметность, и субъективного, существующего как интеллектуальная идейно-мировоззренческая ментальность познающего субъекта, действующего в данных социокультурных условиях. (Адекватный, т.е. «соответствующий, соразмерный, верный, точный»). В теории познания адекватность служит для обозначения верного воспроизведения в представлениях, понятиях и сужде-

ниях объективных связей и отношений действительности. В этом смысле истина определяется как адекватность мышления бытия [2. С. 13].)

Из изложенного следует, что идеи, принятые и встроенные в познавательный процесс, вырисовываются, осознаются и реконструируются только в контексте общего познавательного замысла, общего движения интеллектуальной мысли.

Имея в виду содержательную несамочувствительность идей, оптимальным реконструктивным механизмом их выявления и осмысления является, на наш взгляд, движение суждений от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Как научно-рациональный методологический аналитический прием он выводит на исторически и логически обозримое предметно-исследовательское пространство, на понимание диалектики соотношения мира «вещей» и мира «идей», на объемность (глубину) их воплощения в научно-познавательной деятельности и в вырабатываемых знаниях.

Анализ дореволюционной литературы в указанном ракурсе дает основание выделить ряд позитивно-конструктивных идей, составивших в совокупности идейно-мировоззренческий фундамент научно-познавательной деятельности [3-7].

ИДЕЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Ее существо состоит в том, что основы условий и предпосылок научно-познавательной деятельности детерминируются материальными и духовными условиями существования общества; социальные нормативы-регуляторы, коренящиеся в экономических, идеологических, политических, правовых, морально-нравственных конструктах, определяют условия выполнения социального заказа наукой, обмена деятельностью между обществом и наукой.

Удовлетворение ожиданий государства и судебно-следственной практики в эффективных средствах борьбы с преступностью криминалистическими средствами является общественно одобряемой и, в силу этого, научно-предпочтительной, престижной деятельностью.

Для иллюстрации данных положений сошлемся на мнение современника. Так, например, Я.И. Баршев в предисловии своей работы ярко и убедительно показывает социокультурные особенности времени, общественно-духовную и интеллектуальную атмосферу. Он писал, что «с обнаружением Свода отечественных законов и с преобразованием в университетах юридического факультета, со всею силою и жизнью развилась в нашем отечестве юридическая деятельность. Молодые университетские слушатели с ревностью принимают истинные начала науки; практики требуют твердых, положительных правил в полном объеме и системе; просвещенная публика охотно следит за успехами отечественного правоведения и с признательностью встречает произведения и труды наших юристов» [3. С. 3].

ИДЕЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

Целесообразность есть характерное, непереносимое свойство человеческой деятельности как таковой и на-

учно-познавательной в частности. Привносит известную упорядоченность в организацию научно-познавательной деятельности, служит соизмерителем интеллектуально-ментальной представленческой образности о знаниях и объективных потребностях общества, судебно-следственной практики; формирует мотивацию и внутренние убежденности в уместности доминирующего познавательного отношения (от негативного до позитивного) к тем или иным научно-познавательным направлениям; стимулирует приоритетность движения научно-познавательных исканий, расстановку научно-познавательных акцентов. Вариативность научной аргументации и обоснования познаваемого колеблется от апелляции к здравому смыслу, базирующемуся на само собой разумеющейся ясности и понятности, до научно-рациональных абстрактно-идеальных понятий и суждений. Особенно масштабно целесообразность апеллирует к разумности, рассудочности, к практической рациональности как к неким самодостаточным сущностям в неочевидных гносеологических ситуациях.

Уже названный Я.И. Баршев, обращаясь с рекомендациями (правилами, как он их называет) к следователю, расследующему преступление, настоятельно советовал, чтобы следователь руководствовался «...самыми обстоятельствами, и иногда вследствие скорой перемены в них, избирая более сообразные действия, в которых настает наибольшая необходимость, иногда он должен начинать с исследования состава преступления, иногда следить наперед вероятного виновника преступления, иногда предпринимать вместе действия, служащие для того и другого, иногда браться то за то, то за другое» [3. С. 86-87].

ИДЕЯ ОБЪЕКТИВНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ И ПОЗНАНИЯ ПРЕСТУПНО-СОБЫТИЙНОЙ КАРТИНЫ

В реальности она представляет собой фактофиксирующую, фактоописательную деятельность; сопровождается описанием и фиксацией объективных свойств объекта; формирующаяся на этой основе гносеологическая программа эволюционирует за счет постоянного расширительного, скрупулезного до деталей описания-фиксации объективных свойств предметов и явлений в целях поиска общего, обосновывающего их научно-познавательную и практическую значимость основания; строится гносеологический механизм взаимодействия объектов на основе выявляемых регулярностей и зависимостей.

Оценивая идею объективного подхода как исходную научно-мировоззренческую позицию, необходимо ясно понимать, что приоритетность именно такого доминирующего начала диктовалась предпочтительным удовлетворением потребностей судебно-следственной практики. В этой связи понятны суждения В.И. Баршева, который, обращаясь к следователю, писал: «Исследование и приведение в известность состава преступления и всех признаков, всех следов, оставленных деянием, которое кажется преступлением, составляет первую и главную обязанность следователя» [3. С. 87]. Реализовать свою главную обязанность следователь может лишь путем беспристрастного, непредвзятого, объективного восстановления картины произошедшего. В этом состоит смысл и предназначение практического предварительного следствия.

Фактическое масштабное, всеобъемлющее задействие формальным правом названных идей, придание им по существу статуса идейно-мировоззренческой основы, определявшей исходные научно-познавательные ориентации, приискание обосновывающих оснований, практические действия по расследованию преступлений хотя и было, скорее всего, интуитивно ощущаемым, но не случайным явлением. В своем единстве они были гармонично созвучны духу уголовного судопроизводства, его заглавной цели - достижению объективной истины при расследовании преступлений. Эта цель как закон определяла характер и содержание как научно-познавательной, так и практической деятельности. Отечественная криминалистика, вызревшая в недрах уголовно-процессуальной науки и практического уголовного судопроизводства, подпитываемая ее идейно-мировоззренческими началами, вполне естественным образом восприняла названные идеи. В этой связи полагаем уместным утверждать, что криминалистика и уголовно-процессуальная наука не просто близки, ввиду совместности решаемых задач, они консолидированы идейно, что, на наш взгляд, не менее, а может быть, более значимо для дальнейшего осмысления особенностей взаимодействия, взаимовлияния и гармоничного развития обеих наук.

Научно-познавательный потенциал идейной триады был вполне достаточен для организации мышления, для развертывания научной мысли, поиска и осмысления первичного материала. Приоритетное внимание уделялось работе с материальными следами преступления, решению задач общей организации расследования, налаживанию взаимодействия с дознанием (полицией), с заинтересованными ведомствами, со сведущими лицами (экспертами), с общественностью, а также рекомендациям по проведению следственных действий.

За первыми научными результатами стояла попытка демонстрации обществу, государству, судебно-следственному корпусу и просто просвещенной публике открывающихся возможностей и неоспоримых преимуществ научно обоснованных приемов и средств по организации и ведению расследования преступлений. Первые, как сейчас бы сказали, криминалистические методические рекомендации были достойно оценены участниками уголовного судопроизводства. Как, например, отмечал С.Н. Трегубов, первое издание его книги разошлось в несколько недель, что «свидетельствует о пробудившемся интересе к новым научным методам и приемам следственного производства» [7. С. 4].

Первые результаты научных изысканий, с удовлетворением принятые практикой, есть примечательный факт. Высокая привлекательность ранних криминалистических рекомендаций достигалась за счет прямой апелляции к опыту, практике. Объективное, максимально достижимое описание последовательности действий следователя по организации расследования, взаимодействия с иными участниками, иллюстрируемое красноречивыми примерами и случаями из текущей практики, воспроизводило живую, реальную деятельность, близкую и понятную следователю. Следование криминалистическим методическим рекомендациям повышало в целом уровень и качество следственной деятельности, оптимизировало пути продвижения к установлению объективной истины.

Сама форма подачи материала - правила, советы, характеризующиеся при этом практической доступностью, -

вполне соответствовала уровню ожиданий практики, практическому сознанию, озабоченному прежде всего получением ответов на вопрос, как действовать. Поскольку ни формальное, ни материальное право не давали ответов на такого рода вопросы, постольку первые методические рекомендации оказались высоко жизнеспособными. Несмотря на то что они были скупы, отрывочны и в чем-то тривиальны, они были первыми, и в этом состоит их неоспоримое достоинство. Судебно-следственный корпус впервые в истории уголовного судопроизводства получил качественно иной инструментарий, оптимизирующий организацию расследования и, несомненно, повышающий качество рассматриваемых уголовных дел. Их ощущаемая практическая значимость, несомненная самобытность укрепляли внутреннюю убежденность исследователей в правильности формируемого образа криминалистических знаний. Все свидетельствовало в пользу удачного сочетания устремлений науки и ожиданий практики.

Вместе с тем среди ученых и практиков нарастало ощущение неудовлетворенности общим состоянием расследования, его низким качественным уровнем. О том, что судебно-следственная практика была предельно заполнена большими и малыми проблемами, свидетельствует мнение современника. Так, некто К.Н. Скворцов, характеризуя условия деятельности судебного следователя «этой альфы уголовного процесса», писал: «Если принять за нормальное поступление в некоторых округах Московских по 6 или 10 дел в месяц на судебного следователя и в некоторых Казанских по 35 дел, или вернее, взять среднюю норму поступления 20 дел в месяц и вычесть из него праздники, нужные даже не для отдыха следователя, а лишь для формовки и направления законченных следствий и текущих бумаг, - то приходился почти по одному дню на дело. Если же принять в расчет, что в числе этих дел попадет одно, а то и два об убийстве или разбое, два, а то и три сложных дела по преступлениям должности с учетами цифр, сличениями почерков, несколько судебно-медицинских осмотров и вскрытий тел, требующих иногда отгайки или химико-микроскопического исследования, и других следственных действий, связанных с потерей времени на сношение, переписку, подготовку и т.п., - то исключая эти дела, требующие напряженной и продолжительной работы, придется оставить на остальные, менее сложные, каких-нибудь 5, 6 дней, не более, т.е. распределить по 2 или по 3 дела на день с соблюдением при этом экономии во времени, пропадающем в переездах из деревни в деревню. ...Такова работа неутомимого, одинокого, остающегося всегда в тени судебного следователя. Таковы его скорби...» [8-10].

В редакционном предисловии одной из работ яркого отечественного процессуалиста П.В. Макалинского с горечью констатировалось, что «постоянное прогрессивное падение следственной части, без сомнения, ни для кого не новость; но только лица, постоянно имеющие практическое дело с предварительными следствиями, знают, до каких крайних пределов упала следственная часть. Прежние следователи и участковые товарищи прокуроров, одушевленные живейшим интересом и любовью к своему делу, теперь уже почти перевелись; учиться молодежи не у кого, практической школы для них нет; мало-мальски удовлетворительный следователь представляется едва ли не редким исключением, а об энергической деятельности и сознательном отношении к своим правам и обязанно-

стям почти не приходится говорить. Большинство следователей терпимо разве только за неимением лучшего; незнание дела, апатия, формальное отношение к своим обязанностям и крайняя небрежность во всех отношениях - составляют обычное явление, мало кого поражающее. ...падение следственной части служит лишь показателем упадка вообще всей судебной части. Исправить этот недостаток можно только или новыми людьми, или же новым направлением, новым духом, подобным тому, который при первоначальном введении судебной реформы охватил всех новых судебных деятелей, а отнюдь не подробными правилами, пережевывающими то, что сказано в общих чертах в уставе уголовного судопроизводства» [11].

Значительно позднее, в 1915 г., С.Н. Трегубов, как и его коллеги-процессуалисты, озабоченный общим состоянием в практической сфере, писал: «Не проходит дня, чтобы в том или другом суде при расследовании дела не раздавались жалобы сторон, присяжных заседателей и судей на небрежное или неумелое отношение следователей к вещественным доказательствам...» [7. С. 12].

Приведенные выдержки из работ современников и участников зарождения отечественной криминалистики если и не с исчерпывающей полнотой, но, тем не менее, приоткрывают некоторые социокультурные особенности исторического времени. Главная из них, системообразующая, состоит в резком снижении внимания со стороны государства к состоянию судебно-следственной деятельности. В результате в судебно-следственном корпусе стали угрожающе нарастать формализм, небрежность и апатия. Реальная угроза общественной безопасности, практическому уголовному судопроизводству, угроза развала судебно-следственного корпуса приобретала масштабную реальность.

Отечественные ученые и процессуалисты, приверженцы криминалистики, безусловно, находились под тягостным впечатлением текущей судебно-следственной практики. Подробные, научно комментированные формальные правила ведения следствия не восполняли пробелов в практической сфере деятельности, не снижали уровень утрат при работе с материальными объектами. Ищущая мысль, удрученная общим состоянием дела, остро ощущая необходимость кардинального поправления дела, искала достойный выход из сложившейся ситуации. В криминалистике он был предложен, в частности, С.Н. Трегубовым, который с глубоким внутренним убеждением писал: «Представляющая громадную общественную важность почтенная задача уголовной техники - оказывать деятельную помощь правосудию в раскрытии истины и охранять его от всегда возможных роковых ошибок, способствуя в равной мере как изобличению действительно виновных, так и выяснению невиновности неправильно заподозренного лица, - отодвигает на второй план вопросы сухой, отвлеченной систематики и составляет исследователя, быть может, в ущерб последней расширять пределы своего исследования» [7. С. 12].

Адекватный данному замыслу путь развития уголовной техники (как он называл криминалистику) виделся С.Н. Трегубову в приискании, приспособлении и внедрении в судебно-следственную практику «наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных и технических знаний к исследованию преступлений и установлению личности преступника» [7. С. 18].

В этом утверждении идея целесообразности принята за максимум. Встроенная в познавательную задачу на прямую, она создаст предпосылку универсально согласованного познания действительности. Как составляющая идейно-мировоззренческих начал она позволяет осуществлять перевод объективных данностей в познавательное измерение, устанавливать исходные, познавательные связи и отношения; сопрягать и различать, формировать, создавать и развивать общую гносеологическую канву, намечать познавательные рубежи и горизонты, группировать конкретно-научные идеи, взгляды и представления с позиций «наиболее целесообразного»; задавать и регулировать ход освоения актуально противостоящей предметности, вырабатываемых знаний и методов иных наук; она задает формат обязательности соотношения с целесообразностью оцениваемых и переводимых объективных данностей в специально криминалистическую плоскость. Целесообразно все, что адекватно приспособлено к применению способов и приемов, методов и знаний к «исследованию преступлений и установлению личности преступника». Целесообразность выступает как исходный пункт и условие дальнейшего развития криминалистики и криминалистических знаний, таков лейтмотив утверждения С.Н. Трегубова. Теория в этом процессе была помехой.

Инспирируемая исключительно практическими соображениями целесообразность как нельзя более оптимально соотносилась со взглядами и представлениями исследователей уголовно-процессуальной науки и с главной целью практического уголовного судопроизводства - установлением материальной истины. Решение данной масштабной задачи достижимо было лишь при условии очевидного совпадения устремлений, взглядов и представлений, идейно-мировоззренческих начал процессуалистов и криминалистов в отношении главного условия расследования — объективности. Способствование ее достижению и составляло «почтенную задачу уголовной техники». Задача сугубо практическая; она задавала, устанавливала самодостаточную, доводимую до самоочевидных начал объемность (глубину) организовывавшегося познавательного предметно-содержательного пространства криминалистики, формировала вполне ясный, ощутимо практический вектор развития, вводила и направляла интеллектуальную мысль в идейное пространство здраво-рассудочного, целесообразно-практического мировосприятия, миропонимания и мироотношения.

Объективность, столь желаемая и крайне необходимая в практическом уголовном судопроизводстве, покоящаяся на здравом смысле, рассудочности и житейской мудрости, доступная пониманию следователей, судей, присяжных заседателей и иных участников, определялась в научных уголовно-процессуальных исследованиях.

В рецензии на работу П.В. Макалинского отмечалось: «Полная объективность изложения - вот о чем должен заботиться судебный следователь; суровая, но сильная логика фактов - вот цель, которую должен поставить себе каждый судебный следователь...» [12].

Известный отечественный процессуалист В.Д. Спасович, внесший свой вклад и в становление криминалистики, определяя пути постижения объективности в практическом уголовном судопроизводстве, опирался на три способа

познания, а именно: «1) чувственный опыт; 2) предание, или восприятие, чужих убеждений и 3) наведение, или умственное проникание, в исследуемый предмет через указывающие на него обстоятельства» [4. С. 9]. Исходя из «созерцания связи и отношения» между предметами, подвергая доказательства критической проверке, этот процесс заканчивается «только тогда, когда, продолжая его, мы дойдем до таких простых положений, которые сами по себе очевидны и не требуют никаких доказательств, которые сами в себе носят характер неопровержимой достоверности» [4. С. 5]. Эта достоверность, доводимая до самоочевидных начал, важна и для суда, который воспринимает ее и оценивает, как и всякий иной человек, обращаясь при этом к необходимым и неизменным логическим законам человеческого мышления.

Методологически глубинный смысл данных суждений состоит в том, что для каждого исторического времени характерно свое понимание (социокультурные особенности времени) существа доказательств и их достоверности, всепоглощающих в себе «историю народного ума» и актуально общественные представления о «юридической правде» [4. С. 5-11].

Эта историко-правовая формулировка, символизирующая глубинные истоки общественного сознания, служила своеобразным идейно-мировоззренческим идеалом, задававшим, в свою очередь, идеалы научно-познавательных исканий в формальном праве. Данная мировоззренческая установка, проецируемая на область зарождающейся криминалистики, усматривала «почтенную задачу уголовной техники» в приискании (приравнивании, по выражению Г. Гросса), в целесообразном приспособлении, т.е. в полном соответствии с чувственным опытом и законами логического мышления и применении соответствующих методов, в целях способствования отысканию истины при всех возможных условиях, мыслимых оговорках и допущениях, результаты научных исканий должны были, в конечном счете, соответствовать качествам «народного ума», взглядам и представлениям о «юридической правде».

Здравый смысл (народный ум) и практическое сознание судебно-следственного корпуса («как действовать?») подсказывали, что это должны быть простейшие, не требующие сложных приспособлений, доступные и неспециалисту приемы исследования преступлений, но способные оградить от досадных ошибок и промахов при собирании, сохранении и оценке значения для дела тех или других вещественных доказательств [7. С. 5-6]. Внимательность, тщательность и формально-логические законы мышления и компоновки фактов служили залогом успешности расследования.

Осознанное дистанцирование от теоретической проблематики, высокомотивированное стремление поправить положение дел в практической сфере, подкрепляемое возвращаемым идейно-мировоззренческим познавательным комплексом, инспирировали особенности интеллектуального мышления. Это было собирательно-расширительное, синкретическое мышление. Синкретизм (соединение) истолковывается в философии как разновидность эклектики [2. С. 609]. Его исходными идейно-познавательными установками служили практическая целесообразность и здравый смысл, здравая рассудочность и житейская мудрость.

Синкретическое (эклектическое) мышление, стимулируемое потребностями и нуждами повседневной судебно-следственной практики, было всеохватным. Криминалистов интересовало все, что так или иначе могло быть применимо для оптимизации расследования, для достижения объективности, для отыскания истины. Поэтому в криминалистике наряду с основательными научными знаниями соседствовали бесхитростные, незатейливые советы и рекомендации, выстроенные на обыденно-житейских знаниях.

Так, например, В.Я. Колдин в предисловии переизданной работы Е.Ф. Буринского подчеркивает свежесть и злободневность суждений данного криминалиста: «Ученый криминалист и юрист с удовлетворением найдут в ней простые и ясные суждения, помогающие разобраться в ряде сложных проблем теории и методологии современной криминалистики и судебной экспертизы. ...Рекомендации Е.Ф. Буринского по исследовательской фотографии, криминалистическому исследованию документов и общей методологии судебной экспертизы относятся к золотому фонду этих отраслей науки и практики, не потерявшему своего практического значения» [13]. Ганс Гросс, например, адресовал судебному следователю следующий совет: «Так, я рекомендую брать с собой маленькую коробочку с конфетами, так как они полезны при допросах маленьких детей, с которыми подчас нет ни времени, ни охоты возиться, желая добыть от них часто ценные показания. Конфеты в этих случаях оказывают самое благотворное действие на маленьких свидетелей: плачущий, оробевший ребенок благодаря этому простому средству превращается в сообщительного полезного свидетеля» [6. С. 180].

Данный совет приведен без намерения поиронизировать над основателем науки криминалистики. Мы лишь констатируем сам факт широчайшего спектра интересов, факт сосуществования строго научных знаний и житейской мудрости. Но в совокупности они оптимизировали установление материальной истины, упорядочивали труд следователя, такими незатейливыми способами развивали его профессиональное мышление, пополняли инструментальный арсенал.

Интеллектуальная мысль, жившая повседневными заботами текущей следственной практики, остро ощущала недостаток и неразвитость в криминалистике собственных познавательных ресурсов, практико-прикладного инструментария. Стремясь поправить практическое положение дел, она, организуемая и направляемая синкретическим мышлением, уже не ограничивала себя только фрагментарным заимствованием. Вызревшая интеллектуальная ментальность вплотную приблизилась к необходимости прямого включения в сферу предметно-содержательного пространства криминалистики иных наук. Так было, в частности, с судебной медициной, которую, например, С.Н. Трегубов предложил включить в «уголовную технику». Обосновывая свой взгляд, он писал: «Нам приходилось слышать указания, а иногда даже и упреки, что уголовная техника в некоторых своих частях захватывает не принадлежащие ей области судебной медицины и что поэтому многое, в чем техническая экспертиза считает себя компетентной, должно быть из нее изъято и передано в руки судебных врачей. Мы полагаем, что все это плод недоразумения.

Судебная медицина такая же несамостоятельная отрасль знания, преследующая практические задачи служить судебному делу в раскрытии истины, как и уголовная техника. Скажем более, судебная медицина - такая же отрасль уголовной техники, как и судебно-медицинская экспертиза - специальный вид общей научно-технической экспертизы» [7. С. 18].

Прямая экспансия предметных областей иных, главным образом смежных наук, есть один из примечательных научно-познавательных фактов становления криминалистики. Некритически воспринятый, методологически несостоятельный ход породил в дальнейшем череду притязаний криминалистов на те или иные предметные составляющие уголовно-процессуальной науки. Впрочем, научно-познавательный опыт свидетельствует о том, что такого рода притязания носили обоюдный характер.

Синкретическое мышление, придавая интеллектуальным исканиям осмысленную направленность, наращивало тенденцию абсолютизации текущей судебно-следственной практики и непосредственного опыта. Принцип данной тенденции - «здесь и сейчас». В этой актуальной, ситуативно запрограммированной тенденции формировались убеждения и предубежденности, доверие и недоверие, обобщался и пропагандировался как коллективный, так и индивидуальный, персональный опыт по расследованию преступлений. Данная тенденция осуществляла функционально-оперативную роль в познании, обеспечивая развертывание познавательных актов, исследовательских процедур, нацеленных на адекватное воспроизведение познаваемых явлений. Здравый смысл, целесообразно-практические взгляды и представления позволяли достигать определенного уровня обобщений, устанавливая некоторые регулярности и зависимости, высказывать суждения и утверждения в плане рационального благоразумия. В границах данной тенденции действовал принцип практичности, практической полезности, который служил своеобразным стандартом эффективности.

Идейно-мировоззренческие начала, задействованные односторонне, концентрирующие мысль исключительно на освоении практической стороны расследования, укрепляли интеллектуальную ментальность в духе философии практицизма. Задаваемый формат мышления определял познавательный масштаб, ставивший криминалистику, по оценкам самих криминалистов, в разряд наук вспомогательных, на уровень второстепенного и абсолютно практико-прикладного плана.

Философия практицизма, базирующегося на идеологии здравого, бытийного мировосприятия в силу своей гносеологической ограниченности не ставила, не проблематизировала и не развивала научно-познавательную программу; она сводила следственную деятельность к труду, к незатейливым трудовым операциям с использованием приемов и средств, доступных и неспециалисту. Сведение «следственной деятельности» к труду, исключительно «производственное» его осмысление и истолкование приводили к тому, что следственный аппарат вовлекался в расследование методом проб и ошибок. Он обучался, исследовал и достигал известных результатов, постигал тонкости следственной деятельности в повседневной, рутинной практике

путем совершения действий лишь с частично контролируемой обратной связью. В качестве основных средств, обеспечивающих данную связь, служили процессуальные акты. В них фиксировались-описывались материальные следы преступления. Чем больше в поисковом процессе было задействовано технических средств и чем совершеннее были методы поиска и описания обнаруженного, тем выше было доверие к данным процессуальным актам, тем больше возможностей у суда для формирования убежденности в объективности изложенного. Не менее весомым обстоятельством, формировавшим интерес к развитию «уголовной техники», было и то, что задействование технических средств облегчало совершение трудовых операций, облегчало труд следователя. Этими обстоятельствами во многом определяется приоритетное отношение к развитию в «уголовной технике» методов, приемов и средств естественно-технического происхождения. Увлеченность технизмом давала контроль над расследованием, производила должное впечатление при судебном рассмотрении дел, вследствие чего в «уголовной технике» нарастает и укрепляется инструментальное видение ее роли в расследовании.

Таким образом, криминалистика жизнеутверждалась как программа по совершенствованию труда следователя. Ее практическая значимость, оперативная реализуемость («здесь и сейчас»), возрастающая привлекательность служили основанием для формирования твердой убежденности в правильности избранного пути. Понимание и объяснение сущности явлений, связей и отношений в их целостной взаимосвязи и взаимообусловленности не входили в число приоритетных научно-познавательных задач.

Практицизм в криминалистике нарастал во многом благодаря широкому привлечению знаний, исследовательских методик из естественных и технических наук. Естественные и технические науки становятся основной парадигмой криминалистического знания; технический интерес становится ключевым интересом, направляющим развитие знания. В результате в «уголовной технике» доминирует естественно-научная методология, «душой» которой является метод. Метод культивируется, рафинируется, он настолько масштабен и всеобъемлющ, что С.Н. Тругов рассматривает его в качестве составной части предмета «уголовной техники». Метод является средством, обеспечивающим достижение объективности, служит формообразующим началом криминалистического знания и высокого доверия к нему со стороны судебно-следственного корпуса. Многочисленные сведения о следах преступления, их разнообразные классификации проистекали из тех возможностей, которые нес с собой «метод». Метод - это по существу исходная и конечная, предельная цель научно-познавательной деятельности.

Синкретическое мышление, стремясь каким-то образом упорядочить расследование преступлений, ввело в практический оборот семичленную формулу, разработанную еще римскими юристами. Так, например, известный своими исследованиями в области формального права В.А. Линовский, характеризуя «формальное следствие вообще», писал, что «требуется, чтобы следствием о преступлении было обнаружено и приведено

в совершенную известность, над каким лицом или имуществом оно учинено, в каком действии состояло, каким способом или орудием, когда, где, кем, с намерением или без намерения произведено, и вообще чтобы было открыто все то, что может служить к пояснению обстоятельств происшествия, преступления или вины обвиняемого, словом, чтобы посредством следствия все обстоятельства дела были приведены в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления по оному приговора» [14].

На его основе разворачивалась и утверждалась вопрос-ответная форма познания криминалистически значимых явлений; она служила плацдармом для реального воплощения идейно-мировоззренческих начал, отыскания целесообразных форм и способов преодоления проблемных ситуаций. Вопрос-ответная форма в противовес спорадическим исканиям способствовала упорядочению расследования, формировала профессиональное мышление судебного следователя в духе объективного, целесообразно-рационального благоразумия. Достижение практических результатов с наименьшими затратами сил, средств и времени - одна из центральных профессионально значимых установок, которые привносила с собой семичленная формула.

Характерной чертой вопрос-ответного познания, формирования содержательно-смыслового пространства является членение целого на части. Дробное восприятие служило предпосылкой поиска «узких мест» и «белых пятен», установления характерного, общего, типического, построения различных классификаций по самым различным основаниям, систематизации правил, советов, рекомендаций по организации расследования, по взаимодействию с чинами полиции и экспертами, по проведению отдельных следственных действий и организации расследования некоторых видов преступлений и т.д.

Вопрос-ответная форма подсказывала и соответствующий стиль подачи материала, осуществлявшийся в ритме «вопрос - ответ». Сопровождаемый целесообразно-рациональными комментариями поучительно-наставительного характера, иллюстрируемый характерными примерами и случаями из судебно-следственной практики, он давал ответы на те конкретные вопросы, которые возникали в естественной повседневной практике расследования. Такой конкретно-ситуативный стиль подачи материала, идейно скрепленный здоровой рассудочностью, доводимый до уровня самоочевидных, само собой разумеющихся начал, был понятен практическому сознанию, жившему заботами «как действовать» «здесь и сейчас».

В интеллектуально-познавательном плане вопрос-ответная форма была нацелена на то, что должен знать следователь при расследовании преступления, как он должен поступать в той или иной ситуации расследования. В контексте сказанного в границах вопрос-ответной формы утверждался принцип долженствования и ситуативного, дробного понимания преступного события и самого процесса расследования.

Вопрос-ответная форма, как идейно-познавательный вектор развития криминалистики и криминалистических знаний служила некой идеальной конструкцией, идеальным практико-прикладным инструментом, придававшим упорядоченность, какую-то системность действиям следователя; она

обеспечивала логически разумное последовательное движение от исходного к завершающему, контролируемому процессуальными актами; усиливала полноту и объективность расследования, оптимизировала развитие и закрепление целесообразных познавательных начал, формировала прообраз дисциплинарного строения и методической стройности криминалистики и вырабатывавшихся знаний; она задавала параметры идейно-ценностного и познавательно-ценностного отношения к знанию; она утверждала знание, наиболее полезное в действии, знание, оцениваемое по результату его практического применения.

Задаваемый образ знания определял планку понимания и постижения существа расследования криминалистическими средствами. Тематизируя реальность, криминалистика задавала обработку и проработку практики в наглядно-образных и наглядно-чувственных границах непосредственного опыта, возводя его в познавательно предельный масштаб, в нечто субстанциональное. Фиксируемый опыт формировал стилистику и амплитуду исканий следователя. Ритм последних определялся высокой динамичностью и изменчивостью материала, а его оценка осуществлялась в формате «целесообразно - нецелесообразно», «объективно - необъективно», «полно - неполно», «точно - неточно», «правильно - неправильно». Неопределенность и размытость данных оценочно-познавательных критериев порождали убежденности и предубеждения, доверие и недоверие, возможности высокого контроля, с одной стороны, и его отсутствие за следственными инициативами, с другой. Следственная деятельность, в известной своей части неподдающаяся непосредственному контролю ни процессуальными актами, ни методами естественных и технических наук, стимулировала задействование интуиции и ассоциативных связей.

Прежде всего это относится к аналитической деятельности, сопряженной с принятием решений, ошибочность и произвольность обоснования которых обнаруживается впоследствии. Г. Гросс, отвечая на вопрос, как должен поступать С.С. в своей деятельности, уверенно утверждал, что «самым важным является прежде всего найти такой верный момент, когда он может составить о деле твердое убеждение. ...Если С.С. составляет себе убеждение преждевременно, то он впадает в предубеждение... Если же С.С. пропускает этот момент составления верного взгляда на дело, то предварительное следствие ведется без плана, на ощупь... Когда именно наступает этот важный момент, установить вперед нельзя ни вообще, ни в каждом данном случае...» [6. С. 17].

«Уловить такой момент», избрать «более сообразные действия» для того или другого, или когда необходимо «браться и за то и за другое», возможно лишь посредством глубокой аналитической деятельности, мыслительных комбинаций, задействования не только опыта и разума, но и специально-научных знаний. Незрелость последнего не оставляла для следственного корпуса ничего иного как широкого обращения к здоровой интуиции и ассоциативным связям, комбинаторике с фактами. Аналитическая деятельность размывалась, поиск и расстановка значимых акцентов зависели от субъективных способностей и накопленного опыта.

Сама по себе апелляция к интуиции и ассоциативным связям не является чем-то излишним или ирра-

циональным. Данные феномены сознания и опыта являются неотъемлемой составной частью познания как такового, они заявляют о себе независимо от того, является ли это познание научным, профессиональным или обыденным. Но при отсутствии должной научной строгости в знаниях, дисциплинарноеTM методических рекомендаций без меры возрастает роль субъективного отношения и понимания событийной картины, эпизодов и фактов. В результате следствие нередко оказывается в положении, когда одним и тем же фактам дается диаметрально противоположное истолкование.

Труды первых отечественных исследователей, оставившие заметный след в истории науки криминалистики, отмечены некоторыми общими признаками.

Первый из них характеризуется прежде всего тем, что основным формообразующим знанием началом служило практическое сознание. Тотальная ориентация на удовлетворение потребностей и нужд судебно-следственной практики инициировала научные искания, направленные на объединение разрозненного, на создание и распространение связи, мало считающейся с предметно-содержательными границами иных наук. Практическое сознание, возведенное в абсолютную, интеллектуально опекаемую доминанту, предписывало, каким быть знанию. Господствующей тенденцией становится оценка знания по результату его применения. В знании наиболее истинно лишь то, что в действительности наиболее полезно.

С этим обстоятельством связано стремление идти в аргументации до предельных, до самоочевидных оснований, в круге которых и вырисовывался образ научных основ криминалистики. Знание, рассчитанное на его прямое непосредственное включение в практическую деятельность, на его оперативное применение, явственно предстает как предпочтительный путь развития криминалистики. Знанием, предназначенным для совершения несложных трудовых операций, вполне можно пользоваться

и без исследования его сущности, без объяснения всей палитры сущностно-содержательных связей. Практикорациональное, здраво-целесообразное объяснение полезности знания через действие служило убедительным аргументом для судебно-следственного корпуса и самым кратчайшим расстоянием получения знания, постижения его смысловой предназначенности.

Другой общезначимый признак заключен в формировании отношения к «методу». «Метод» становится одним из центральных образований предмета «уголовной техники» (криминалистики) и объектом особых интеллектуальных усилий по обоснованию его значимости в расследовании преступлений. Сознательное и методичное приращение «методу» общезначимости составляло новый отличительный момент в развитии отечественной криминалистики. Г. Гросс хотя и увязывал познание «реалий уголовного права» с «методом», с его практико-прикладными возможностями применения в действии, но не возводил его в некое абсолютное, универсальное средство.

Отныне «методу» суждено, как, впрочем, и практическому сознанию, занять одно из абсолютно приоритетных мест в научно-познавательном пространстве криминалистики на долгие десятилетия.

Полная рефлексия предысторического этапа и выработывавшегося знания вряд ли возможна, поскольку далеко не весь практический и научно-познавательный опыт должным образом обрабатывался и удостоверялся. Какая-то часть знаний оставалась латентной.

Таковы некоторые итоги предысторического этапа зарождения и формирования криминалистики как науки. Предыстория служит совершенно необходимой предпосылкой и условием понимания того, что есть криминалистика, и каково влияние идейно-мировоззренческих начал на формирование образа криминалистической методики и ее основы - знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривошей И.Т. Качество знаний как предпосылка и условие теоретизации криминалистической методики // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 279. С. 89-94.
2. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 13.
3. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001.
4. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судопроизводством и судопроизводством. М., 2001.
5. Давневский В. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895.
6. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002.
7. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. М., 2002.
8. Скворцов К.Н. Скорби судебного следователя // ЖМЮ. 1895. № 6. С. 99-100, 124.
9. Левенстим Н.А. Предварительное следствие по судебным уставам, его недостатки и меры к улучшению. М., 1895. С. 105-111.
10. Хрулев Сергей. Суды и судебные порядки: Очерки // Юридический вестник. 1884, сентябрь. С. 90-143.
11. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах / Сост. П.В. Макалинский. 5-е изд. СПб., 1901. Ч. 1, С. 35-36.
12. Кассель К. Следственная практика. По поводу 2-го издания практического руководства для судебных следователей П.В. Макалинского // Юридический вестник. 1882. № 5. С. 312.
13. Буторинский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М., 2002. С. 6.
14. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 144-145.

Статья представлена кафедрой криминалистики Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 8 апреля 2004 г.